

Однако наличие в некоторых „доношениях“ перечней пьес, которые предполагали ставить организаторы „российской комедии“, позволяет судить о том, что представляла эта разновидность комедии. В одних случаях перед нами явное продолжение традиций школьной драмы (например, „Аполлонский арт (акт?)“ и „Эсфорский арт“, упомянутые в доношении служителя Кондратия Байкулова,¹ стоят в связи с такими „действиями“, как „Дафнис, гонением любовного Аполлона в древо-лавровое превращенная“²); в других — мы имеем дело с пьесами типа „Акта о Калеандре, цесаревиче греческом, и о мужественной Неонильде, цесаревне трапезонской“, — таковы акты „о храбром Неаполитанския земли герцоге Фридрихе“, „О Кире, царе перском, и о скифской царице Томире“, „О Леандре и Лювизе“ и „О Ипполите и Жулии“.³

Таким образом, „русская“ или „российская комедия“ в том виде, как рисуют ее нам официальные источники, представляет на первый взгляд продолжение „ранней“ комедии. Но можно, однако, с уверенностью предположить, что этим репертуаром не исчерпывалась „русская комедия“. В ней были, очевидно, и собственно комические, даже сатирические пьесы. На эту мысль наводят следующие обстоятельства. Цитированный указ от 21 декабря 1750 года запрещает при устройстве „русских комедий“ наряжаться в монашеское („чернеческое“) и „прочее, касающееся до духовных персон платье“. В резолюции Главной московской полиции на „доношение“ канцеляристов В. Хилковского и И. Глушкова о разрешении им „играть российскую камедь“ было записано 13 декабря 1749 года, что позволение будет дано, „ежели оные акты (перечисленные нами выше, — П. Б.) не противные и не богомерзкой игры“. В инструкциях, данных полицейским чинам в связи с разрешением московской полицией разным лицам в 1757—1758 годах „играть российские комедии“, предлагалось „смотреть накрепко, дабы богопротивных игр не происходило“, „чтобы в той камеди богомерзких и прочих неприличных игр не было“.⁴ Все это говорит о том, что запрещения касались каких-то „игр“ антицерковного и иного „непристойного“ характера, возможно, антибюрократического, антидворянского. Иначе слова „смотреть накрепко“ не имели смысла.

Обращает на себя внимание то, что в только что цитированных инструкциях запрещаемые пьесы или части их носят название „игр“. С этим термином мы уже несколько раз, — в разном, правда, виде, — встречались.⁵ Так, определение „комедии“ в „Лексиконе вокабулам новым“ кончалось пояснением — „игра веселая“. Интерлюдии в рукописи, с которой Н. С. Тихонравов перепечатал их во II томе своих „Летописей“, были названы „междувброшенная забавная игралища“.

¹ И. Е. Забелин, ук. соч., стр. 559. Этимология слова „арт“ не ясна, может быть, от латинского „ars, artis“ — „искусство“. Возможно, однако, и такое осмысление: термин „интермедия“ превратился в народном русском театре в „артемедия“ (см.: В. И. Лукин и Б. Е. Ельчанинов, Сочинения и переводы, СПб., 1868, стр. 187); а отсюда произошло и изменение слова „акт“ в „арт“ как пьесы большего размера, чем „артемедия“.

² См.: Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения, т. II, стр. 440—484; П. О. Морозов. История русского театра, стр. 289—294.

³ См.: И. Е. Забелин, ук. соч., стр. 560. Одна из пьес этого репертуара („О Кире, царе перском, и о скифской царице Томире“) сохранилась. Она перепечатана в приложении к „Истории русского театра“ П. Морозова (стр. XXI—XXIX).

⁴ И. Е. Забелин, ук. соч., стр. 560, 562—564.

⁵ В „Материалах для словаря древнерусского языка“ И. И. Срезневского слово „игра“ отмечено по переводному памятнику конца XII—начала XIII века в значении „scenicos ludos“ — „театральных игр“ (ч. I, стр. 1019).